

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

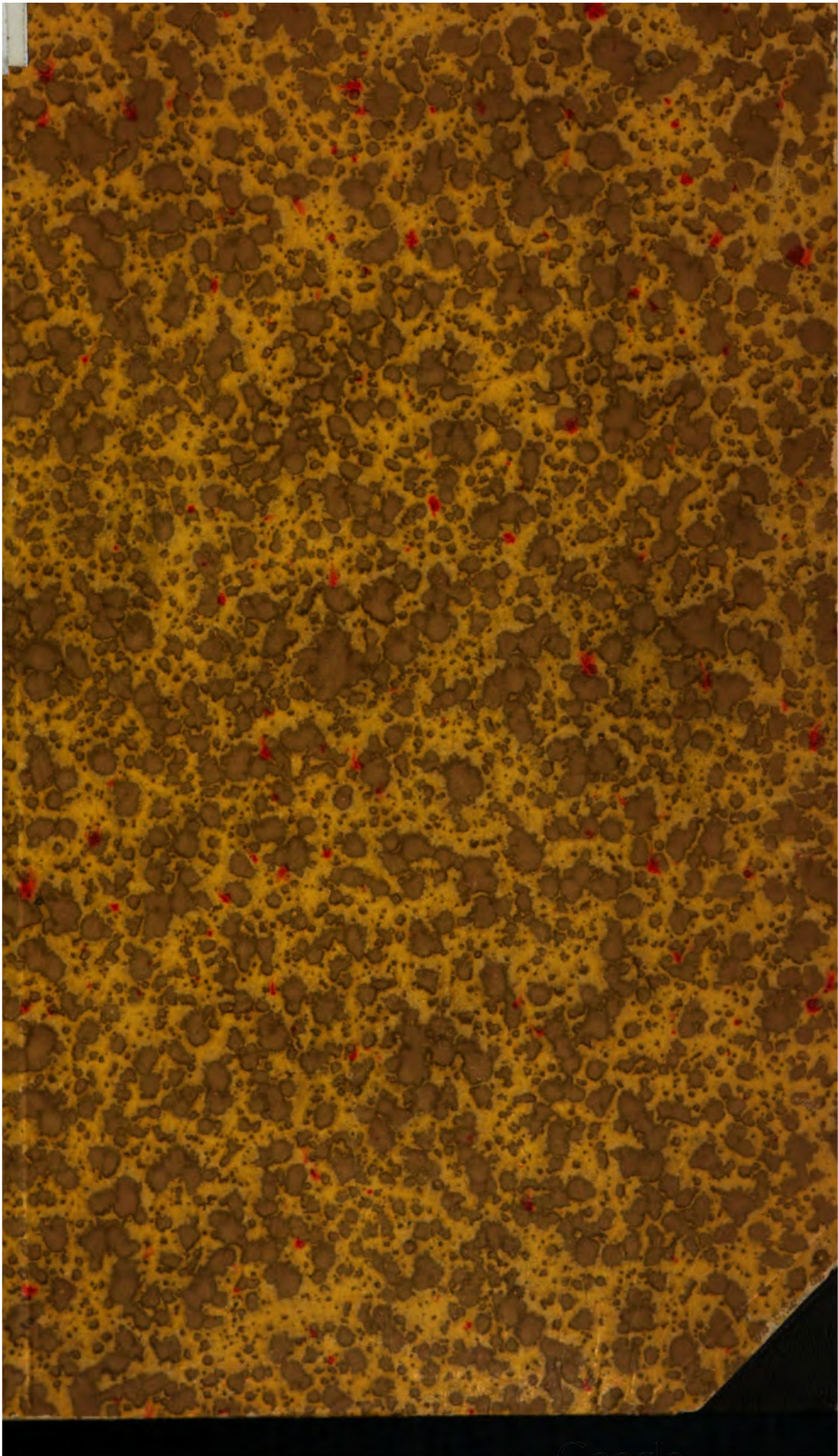
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

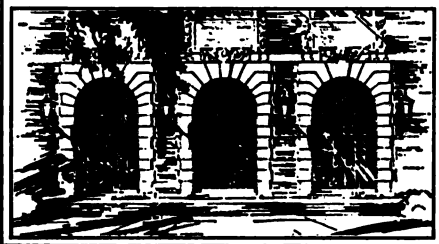
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

ELIAS CZAYKOWSKY
COLLECTION OF
UKRAINIAN CULTURE

891 .79

K83556

Op

122

Л. 1862.

122

891.79

K83556

Op

I.

ПИСНИ, ДУМЫ ТА МРІИ

Галины Комаровои.

(1900—1904).

Одесса.

Типографія Е. И. Фесенко, Ришельев. ул., соб. д. № 49.

1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 22 декабря 1904 года.

891.79

K 23556

Op

Весна.

Прийшла весна — стоять садкы
Зелени та рясни,
А въ тихъ садкахъ цвितуть квиткы
Барвысти, запашнй.
Прийшла весна — пташыный спивъ
Лунае та бреныть;
Видь тыхъ писень, писень безъ сливъ
Щось серденько болыть.
Болыть воно и жде чогось
Середъ весняныхъ чаръ,
А навкругы шепоче хтось:
„Теперь не бйся хмарь.
Не бйся хмарь и вирь весни —
Вона жыття несе,
Дывысь: сміються дни ясны,
Дывысь: радіе все.
Радій и ты, и славъ весну,
И пышни рвы квиткы
И славъ царицю чаривну,
Сплитаючы винкы!“

Летыть витрець, шепоче хтось
Прынадльви слова,
А въ серци биль и жде чогось
Воно... и умлива.

* * *

Я темрявы боюсь: вона прыходе тыхо
И все вкыва нечутно таемна,
А зъ нею вразъ и давнѣ незабуге лыхо
Встаѣ въ души, и тѹга потайна.

Я темрявы боюсь: вона зрждаѣ згукы
Незрозумили, дывни и сумни,
Вона нагадуѣ намъ слъозы и розлукы,
Нови жалѣ малюе въ далыни.

Я темрявы боюсь! Зныкай же ничъ не мыла!
Хай прыйде день и сонце золоте,
Тоди народыться въ души новая сыла,
Надѣи квитка въ серци розцвите.

Я темрявы боюсь, я клычу день прекрасный,
Але стоить кругъ мене ничъ сумна
И вже здаецься кожнѣй проминь яснѣй
Ся темрява погасыть нависна.

* *
* *

Не завжды хмары крыють небо,
Не завжды витерь злый реве,
Бувае сонце ясне сяе —
И все радіе, вкругъ живе.

Не завше въ серци сумъ и туга,
Въ души не завше горе зле,
Бувае щастячко зачуе,
И не ляка жыття страшнè.

Не довги ти ясні годыны,
Але для серця тымъ мылішъ:
Тоди прокынуться вси сылы,
Тоди впередъ идешъ смилійшъ.

И якъ прырода писля бури
Ще чаривнійшою стае,
Такъ писля горя и зневирья
У серци радистъ настае.

* * *

Згадала чомусь я: втоптана й довга
Мижъ лисомъ зывалася стежка вузька....
Я йшла по тій стежци, а въ гилли густому
Бренила пташыная писня дзвинка.

Було мині легко: вси думкы послулы....
До сонця я йшла помижъ лисомъ ряснымъ,
Воно вже спускалось, съ землею стривалось,
Край стежки губывся у сяйви яснимъ.

Було мині легко: ни згадокъ тужлывыхъ,
Ни суму тяжкого, хотилося йты
Безъ краю, до вику по стежци злотыстій
И вичне забуття у грудяхъ несты....

Де тая хвылына, де лись той весняный?
Прокынулысь знову вси думы тяжкй....
Стою я самотна и згадую сонце,
Стыскаючы въ грудяхъ рыдання гиркй.

* *
* *

„До бою!“ — чую я. — „У сичъ, до бою!“
Спива поэтъ, що „часъ вѣйны наставъ,
Пора забуты намъ свои ваганья,
Пора, щобъ ворогъ лютисть нашу взнавъ!
Доволи намъ терпиты и мовчаты,
Кривавый бій завзятий и страшный
Мы почнемо, хай ворогъ нашъ погыне,
Зальеться кровью край нашъ весь страдный!
А колы намъ погынuty прыйдется,
То ляжемо мы горди и мицни,
Вси ляжемо спокійни, непохытни,
Намъ краще смерть, нижъ дни тюрмы смутни.
Чи наша смерть, чи наше панування:
Свить, правда, воля, чыстая любовь!
Хай згыне тьма, за ривнисть и братерство
Мы виддамо до крапли нашу кровь!“

Я чую пòклькъ сей палкый, гарячый,
Спивають такъ видважнии спивци,
Ихъ голосъ льеться впевнений и щырый
И не тремтыть ихъ лира у руци.
А я мовчу, не можу поеднаты
Свій тыхий спивъ зъ ихъ спивомъ голоснымъ:
По трупамъ шляхъ до правды и до воли
Мини здаеться хыбнымъ и страшнымъ:

Прольється кровъ гарячими ричкамы --
И хто бѣ не бувъ побидныкомъ въ бою,
Повстане зновъ тяжке ворогування,
Пидійме помста руку зновъ свою.
Породыть зновъ ненависть, горе люте --
И кровъ за кровъ, якъ перше, закыпитьъ,
Замре любовь и свить не просіе
И зновъ до бою поклыкъ заgrimуть.

Ни, я не хочу клыкаты у сичу,
И я мовчу, збентежена, смутна:
Де жъ заховалась певная дорога,
Що намъ готує доля таемна?

По надъ моремъ.

Зновь до тебе я прыйшла, широко море,
Зновь мылується тобою поглядъ мій
И въ души моій, зворушеній красою,
Прокыдається чудова зграя мрій.

Засыпає тихо мое давне горе,
Забуваються писни мои смутни,
И въ осинньому журлывому повітрі
Весело и легко такъ стає мині.

Чую въ грудяхъ я мицнѹю силу, дужу,
Въ даль жыття мого безъ страху я дывлюсь
И тобі, мое широко, вильне море,
И краси твоій безсмертній я молюсь.

И хотила бъ заразъ я для тебе скласты,
Проспиваты писню дывну, чаривну,
Писню, якъ ты, вильну и, якъ ты, прекрасну,
Якъ блыскуча хвыля, легку и мицну.

Але я безсыла: сливъ такихъ не знаю,
Щобъ тобі достойну писню скласты зъ ихъ,
И мовчазно, въ серци я тобі молюся
И мылуясь грою хвиль твоихъ ясныхъ.

Ты могутне море, ты Нептуне давній,
Ты мій друже щырый, дякую тобі
За красу чудову и за пісни люби,
За твою розвагу въ гори и въ журби.

Скоро въ гóродъ тїсний я пиду видъ тебе,
Холодъ, сире небо я зустрину тамъ,
Але твои писни и краса блакитна
Сяють въ моимъ серци, ихъ я не видамъ.

Т и н ь .

Тыхо, тыхо плеще море,
Тыхо щось спива прозоре
Сяе въ промини яснѣмъ.
Хмарка легкая биліе,
Небо ясне блакытніе
Въ тыхимъ свитли осяйнѣмъ.

Била хмарка легко плыне,
Загляда у море сыне,
Бачыть тинь свою тонкѣ.
Море хоче тинь прогнаты,
Щобъ видкрыты ясни шаты,
Клыче хвыленьку прудку.

Хвыля витра заклыкае,
Темну тинь тонкѣ лякае....
Але тинь нима мовчыть.
Дали плыне хмарка била,
А за нею тинь немыла
Плыне въ хвыляхъ и дрижыть.

Чуе море: не здолаты
Темну тинь и не прогнаты,
Хочъ бы хвыли вси зійшлысь.

И воно чоло схиляє,
Хвылю гниву прыгортає,
Сумно каже їй: „Скорысь!“

Тыхо, тыхо плеще море,
Тыхо зновъ лежить прозоре,
Сяє сонце золоте.
Знову небо блакытніє....
Але тинь сумна чорніє,
Але море вже не те.

С к е л я .

Темная скеля схлылась надъ моремъ,
Въ воду прозору вона загляда....
Море не бѣется, ласкаво, покирно
Скелю цилуе холодна вода.

Нижно цилуе и тыхо шепоче
Повни коханья прынадни слова....
Слухае скеля и сумомъ пекучымъ
Душу ии одъ тыхъ сливъ укрыва.

Знае, не довго ласкавее море
Буде каминня ии цилувать,
Вразъ залютуе, забѣется сердыто,
Кынется дыко ии руйновать.

Сумно схляється скеля надъ морсмъ,
Слухае мовчки прынадни слова,
Жалемъ пекучымъ и сумомъ безкрайнимъ
Душу ии одъ тыхъ сливъ укрыва.

* *
*

котылася зирка изъ неба,
Чи впала у море вона?
Пытаюся въ моря: де зирка?
Та хвыля мовчыть таємна.

Мовчыть и гойдається стыха,
Не хоче одмовыть мини.
Чи може тамъ зирки й немає
Въ безодній морській глыбни?

Де жъ дилась та зирка ясная?
Даремне мій поглядъ шука....
Пытаюся въ билои чайки, —
Та й чайка не слуха прудка.

И я засмутылась видразу:
Чомусь мини зирки шкода,
Згадалось чомусь, що такъ хутко
Проходыть весна молода.

Мрія.

Одъ мисяця срибная смуга
Видбылась на хвыляхъ морськихъ;
Прокынулась мрія десь лёгка
У шатахъ блискучихъ, тонкихъ....

Прокынулась, впала химерна
На шляхъ той сриблястый, яснѣй;
Выспивуе: „Шляхъ сей напевне
Веде въ якыйсь край чаривнѣй!“

Спивае: „Туды я полыну,
Де край невидомый лежить,
Де бачу я сѣиво злотысте,
Де срибная хвыля дрижить.“

Ховається тамъ таємныця....
Я хочу спизнаты ии,
Я хочу про неи спиваты....
Здѣймайтесь же крыла мои!“

Полынула мрія легенька
Надъ моремъ поснулымъ, нимымъ,
Обгорнута сѣивомъ блискучымъ,
Проминнямъ ласкавымъ, яснѣмъ.

А мисяць те бачывъ и зъ жалемъ
Всмихається яснѣй, бо зна:
Ничого тамъ мрія не знайде,
И вернеться хутко смутна.

Н и ч ъ.

Темна ничъ спустилася на землю,
Запашни обіймы простягла,
Въ ти обіймы нижни и ласкави
Хвыли моря тыхо прыняла.

Вкрыта вся блыскучимы зиркамы,
У винку квитчастимъ, запашнимъ,
Шепче ничъ до моря: „Одпочынь же,
Одпочынь въ серпанку чаривнимъ.

Ты втомылось, цилый день кыпило,
Цилый день объ берегъ былось ты....
Одпочынь, я писню заспиваю,
Пока день звелыть мини иты“.

Слуха море ничъ и затыхае,
Засыпа пидъ писни чаривни.
Зъ усмихомъ ничъ тыхо обіймае
Хвыли моря легки та ясни.

* *
* *

Выйшла я рано, дывлюся на море:
Сыне, безкрайне сміється воно,
Небо надъ нымъ похылылось прозоре,
Легко на билыхъ хмарынкахъ лягло.

Сонце блискуче мижъ хмарокъ тыхъ плыне,
Въ мори купає проминня свои,
Море до сяйва горячого лыне,
Тыхо сміється, спиває писни.

Дывна картина! Шырока, прекрасна,
Въ берега рямци зеленій мовъ спыть,
Купа каминня, у свитли вся ясна,
Наче на варті край моря стоить.

И задывылась я тою красою,
Въ серци заснулы вси думы смутни,
Тыхо заснулы тамъ горе зъ журбою
И забренилы весели писни.

* *
* *

„Пощавай!“ — до моря каже сонце —
„Я сховаюсь заразъ за обрій!“
Засмутилось и поблидло море,
И пиднявсь надъ нымъ туманивъ рій.

Усмихнулось сонце и ласкаво
Проминь ще одынъ кыда яснѣй.
Проминь той рожевый пада въ море,
Розганя туманивъ рій смутный.

Усмихається й до моря мовыть:
„Завтра зновъ побачышь сонце ты,
Постривай, мыне ничъ, зновъ до тебе
Мусыть сонце яснее прыйты!“

* * *

ердыто запинылось море,
Высокая хвыля встае
И каже: „Нихто не поборе,
Нихто моихъ сыль не побье —

Я смилыва, вильна и дужа,
И зъ витромъ умію литать,
До горя чужого байдужа,
Я хочу свій сумъ розигнать.

Я смилыва, вильна, прудкѣя
И шаты блыскучи мои,
Та дума смутна и тяжкѣя
Лежыть у мой глыбыни.

Не могу ту думу вгадаты,
Не знаю мій смутокъ объ чимъ,
Та хочу я ихъ розигнаты,
Забутысь у вчынку лыхимъ“.

И хвыля гнивльва лютуе,
Здймається выще усе,
И човенъ рыбальський руйнуе,
На дыкую скелю несе.

Объ скелю вдаряється, бѣється,
Сміється и плаче вона
И зъ гоминомъ въ море зновъ лється,
Якъ вперше, гнивльва, смутна.

„Ой, витре, мій брате!“ — гукає —
„Иды жъ, поможи ты мини!“
На долю зъ плачемъ нарикає
И стогне въ морській глыбни.

И стогне та хвля безъ краю,
Та тихше, журльвише все
И мовъ промовляє: „Я знаю
Бенкетъ цей мій скоро знесе“.

И тихо воно замовкає,
Сльозою по морю бижыть,
Сльоза та тяжкà потопає —
И стомлене море мовчыть.

Пытанья.

Воны прыйшлы туды, де море
На берегъ хвылямы збига,
Спи́ва таемно и каминня
У билу пину одяга.

Воны прыйшлы удвохъ — и мисяць
Загравъ въ води, край самыхъ нигъ,
Здригнувся въ хвыляхъ и по морю
Шляхѡмъ довгымъ, блыскучымъ лигъ.

„Дывысь!“ — сказавъ винъ ій зъ коханнямъ —
„Якъ шляхъ цей свитлый, чаривный
Прывитно сяе, наче маныть
Иты кудысь въ край таемный.

А може справди тамъ далеко
За тымъ шляхѡмъ могли бѣ знайты
Мы иншый край: безсмертный, вильный....
Злетить туды хотила бѣ ты?“

— „Хотила бѣ я? О, ни, мій мылый,
Химерный шляхъ цей знаю я:
Нема за нымъ краины щастя,
Та й не до того рвуся я“.

Вона замовкла, поглядъ смѹтный
Ии въ далечыни тонувъ
И мисяць проминемъ сриблястымъ
Блиде облыччя обгорнувъ.

„Бажала бь я“ — вона сказала —
„Не кыдать землю, тилькы знать,
Чи є на ній куточокъ тыхый,
Де бь людямъ можна не рыдать?

Та ще бажала бь я пизнаты:
Для чого наши: боротьба,
Жыття, и сльозы, и кохання,
И наша радисть, и журба?

Ты розуміешъ: въ ничь сю тыху,
Колы мене цилуешъ ты,
А море спыть и мисяць сяе —
Бажала бь Бога я знайты!

И видгадаты сю таємнисть,
Що давыть груды, мозокъ мій:
На вищо свить, для чого жыты,
Носыты въ серци зграю мрій?...“

— „О, мыла, вси твои пытання
Даремни: доля мовчазна,
Не видповисть на ихъ никòлы
И не почуе насъ вона.

Та й що пытаты? Мы знаємъ щастя:
Вь мой руци твоя рука,
Я чую стукъ твого серденька,
Вь жытти ни що насъ не зляка!

Кохаемъ мы — того доволи,
Забудьмо все, вси почуття;
Хиба бь бажала ты зминяты
Любовь на тайнъ всихъ знаття?

Я певень, ни!“ И винъ коханно
Ии лице поцилувавъ.
Вона ничего не сказала,
А винъ удруге не спытавъ.

Воны стоялы биля моря.
Воно спивало тыхо имъ
И обывавъ ихъ мисяць ясный
Холоднымъ проминемъ своимъ.
Воны мовчали, винъ щаслывый,
Мицный коханнямъ дорогымъ,
Вона смутна своимъ пытаннямъ —
Невидповиднымъ и глухымъ.

Поснуле мисто.

Ничь надійшла и утомлене мисто заснуло,
Тыхо по вулицяхъ стало гучныхъ та широкихъ,
Тыхо и темно у бидныхъ оселяхъ маленькихъ
И у будынкахъ вельчныхъ, багатыхъ, високихъ.

Тыхо, скризь тыхо, здається якась таємниця
Зъ ничю прыйшла и по вулицямъ всимъ заховалась,
Въ темныхъ садкахъ, по майданахъ пустыхъ
и мовчазныхъ
Скризь прытулылась, у тини ничныи убралась.

Тыхо, все змовкло и слёзы гиркіи не лються,
Смихъ не бреныть и музыкы весели не грають,
Вси почуття, вси людськіи бажання и мріи,
Городъ велькый весь—сонъ и забуття вкрывають.

Спыть вся земля, а на неби безхмарнимъ, далекимъ
Мисяць холодный сіяе и мисто поснуле
Свитломъ своимъ залывае и тини скризь будыть,
Тини, и чары, и згадки про давне, мынуле.

Мисто вельке здається нимымъ кладовыщемъ:
Сплять тамъ сердца и холодни, й никчемни, й вельчни,
Сплять и розбыти надіи, и мріи чудовни,
И не помитни глыбоки стражданія вични.

* *
* *

Смієшся ты! Ты все забула!
Холоднѣй день, довгѣ труну,
Глыбоку яму, и рыданнѣ,
И розставаннѣ мыть страшнѣ.

Весела ты! Яка байдужисть,
Якь хутко вкрыло забуттѣ
Твои жалѣ, твои болиннѣ,
Тяжкого горя почуттѣ?

Вона мовчыть. Що їй сказаты?
Ще грає усмихъ на устахъ
И вже давно ниhto не бачывъ
Тремтячыхъ слизъ въ їи очахъ.

Вона мовчыть, вона не хоче
Про биль души расповидать:
Чужи їи не зрозуміють —
Вона жъ не вміє забувать.

Пісня козачки.

Задывывшысь въ вѣкно, на дорогу,
Я вкололася якость, — беда!
Била квитка, що я гаптувала,
Зчервонила, я жъ стала блида.

Спогадала я милого заразъ:
Винъ далеко въ кривавимъ бою,
Може ворогъ його вже змагає....
И пронявъ биль всю душу мою.

У слъозахъ я почула видразу,
Наче кинь прылетивъ до ворить:
„Тожъ мій мылый!“ Бижу зустрічаты,
Прывитаты його поворить.

Та немає на двѣри никого,
Обдурыло серденько мене,
Такъ забылось, що тупання кинське
Мини вчулось. Охъ сердце чудне!

И вертаюсь я знову у хату,
Зновъ працюю самотна, блида,
Мои слъозы спадають якъ перлы,
Плачуть очи и сердце рыда.

С О Н Е Ч Ъ .

Спивавъ разъ соловей про дальнюю краину,
Не знаю — де вона, въ якій земли лежать,
Та чула я, що снігъ тамъ на горахъ блищать,
Що горы темны вартують тамъ долину.

И наче свитлую въ долини тій перлыну
Ховають озеро глыбоке, воно спить,
А одблыскъ темныхъ гиръ въ блакитти хвиль
тремтыть,
Малючы въ води таємную картину.

И ще той соловей про квитку заспивавъ,
Надъ озеромъ, въ горахъ ии винъ зустричавъ:
Була вона чудна, маленька, не барвыста
И до каминня все тулылась таємна.
Та соловей казавъ: въ ій сыла променыста,
Шукай ій, бо, знай — поезія вона.

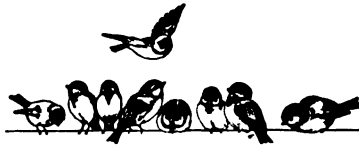

Колы душа твоя горыть огнемъ страждання,
И груди давять слёзы потайни
И хочеться тобі комусь зъ тяжкымъ рыданнямъ
Свои чуття вси выявыть смутни, —

Мовчы тоди, бо знай, що слизъ кругомъ доволи
Пекучыхъ и гиркихъ е въ кожній людській доли.

Колы жъ въ души твоій прокынетъся видвага,
Надія свитла въ серци зацвите, —
То не мовчы: потрібна всимъ смутнымъ розвага, —
Иды до нихъ, имъ роскажы про те.

Хай будуть сховани въ тобі твои болиння,
Та свитять другымъ радощивъ твоихъ проминня.

* * *

Десь верба смутна, похыла
Надъ шляхѡмъ довгымъ стоить,
Пидъ вербою є могыла,
А въ могыли сердце спыть.

Хтось шляхомъ ишовъ, втомывся,
Сивъ пидъ тыхую вербу,
На могылу похыльвся,
Спогадавъ свою журбу.

Спогадавъ самотне лыхо —
И тоди зъ очей сльоза
На могылу впала тыхо,
Якъ дорання роса.

И до сердца тепла, чыста
Та сльозына вразъ дїйшла,
Наче искра променыста
Його паломъ пройняла.

Серце мертве стрепенулось,
Затремтило все въ огни,
Тыхымъ плачемъ видгукнулось
Спидъ холодной земли.

Хтось пишовъ, чужа могыла
Зновъ лышається сама,
Шелестыть верба похыла,
Тыхо скризь, людей нема.

Хтось пишовъ, та не забуде
Винъ могылу и вербу,
Плачь одмовный чуты буде,
Якъ згадає зновъ журбу.

И його слъоза искрыста
Въ серци, збуженимъ видъ сна,
Якъ перлына била, чыста
Все сійтыме ясна.

* * *

Вчера я сердце свое поховаты хотила,
Щобъ не болело, не былось такъ дуже воно, —
Зранку жъ сьогондя побачыла небо блакытне,
Проминь веселый до мене заглянувъ въ викно. —

Ожыло сердце, усе стрепенулось видразу:
„Жыты я хочу, ище похованню не часъ“ —
Тыхо спивае, а я одмовляю: „Такъ, жыты
Будемо, сердце, бо ще твій огонь не погасъ!

Будемо жыты мы, помы зима не прывитна
Зновъ не прыйдѣ, не прыдушыть насъ лыхомъ
своимъ,
Будемо жыты мы, помы весна молодая
Ще насъ, хочъ зридка, чаруе проминнямъ яснѣмъ“.

* * *

Усерци моему зрощається пісня нова,
Та високо, вильно піднестись не може вона:
Дивлюсь у вікно я, такъ холодно въ неби блидому
И день такый кволый, нудливый, якъ ничка безъ сна.

У серци моему безкрылая пісня вмирає,
Покирно душа укривається смуткомъ нимымъ.
Дивлюсь я на небо и думаю: день чи настане,
Якъ пісня моя одживѣть ся проминнямъ яснѣмъ?

Роксолана.*)

ПОЭМА.

I

Восфоръ затыхъ. Серпанкомъ ночи
Вдяглыся пышны садкы,
Видкрылы зори свитли очи
И сны прылынули прудки.
Заснуло все; и мыръ и спокій
Въ серця намучени ввійшлы
И Царьгородъ увесь шырокой
Забуттямъ тыхымъ повылы.
Одынъ не спыть державецъ сывий,
Вельчный, дужый Сулейманъ,
Схылыwszy голову, тужлывий
Сыдыть стурбованый султанъ.
Въ його очахъ и сумъ, и горе,
И серце биль тяжкый стыска,
Винъ чуе — лыхо необорне
Сьогоня вничъ його спитка:

*) Имя Роксолана взяте зъ перськой мовы: Rouschen — то значыть *свита*; вона була родомъ украинка; попавшы въ турецьку неволю, вона опынылася въ султанському гареми и незабаромъ стала жинкою султана Сулеймана; славылась своею красою и розумомъ, мала велькый впливъ на султана, зъ ии намовы султанъ скаравъ на горло свого сына Мустафу, а ии сынъ Селимъ ставъ наступныкомъ трону и описля султаномъ; умерла вона въ 1558 роци. Про неи дывысь: „Историч. пѣсни малорусск. народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова“. К. 1874. Т. 1-й, стр. 236—237. Такожъ: „Энциклопедическій словарь Брокгауза“. Кн. 53, стр. 29—30.

На лижку пышному конае
Його улюблена жона,
И облыччя огортае
Смертельна тинь, якъ ничь сумна.
Вона поснула, нахылвся
Старый султанъ до мылыхъ рысь,
На ихъ винъ палко задыввся,
Блидый, похмурый, та безъ слизь.

II.

И спогадавъ винъ день той бучный,
Колы упершъ царемъ його
Витавъ народа поклыкъ гучный,
Якъ ставъ винъ владаремъ всього.
Въ той самый день въ сераль роскошный
Новыхъ невилыницъ привелы
И якъ квитныкъ барвыстый, пышный
Воны прекрасни вси булы.
Але мижъ ныхъ одна стояла, —
Помитывъ зразу винъ ии, —
За всихъ вона красою сяла,
Спустывшы очи таемни.
Винъ взявъ ии въ свои покои,
Жыття видрадою назвавъ,
Своею владною рукою
Роскоши ий и перлы давъ.
Але вона смутна ходыла,
Все непрыступна, мовчазна
И дыкымъ полумьямъ горила
Въ очахъ ненависть запальна.
„Чого ты хочешъ, украинко?
Видь чого сумъ твій и журба?“

Ты владныця моя, чужынка!“
Вона жъ казала: „Я раба!
Не жинка я твоя — служныця
И тронъ твѣй инша подиля!“
Винъ усмихнувся: „Ты цырыця,
Мене ты у полонъ взяла!“
И давъ винъ тронъ ій, давъ ій владу,
И султаншою зробывъ,
Для ней сына, якъ за зраду,
Ни въ чимъ невынного, убывъ.
И назвавъ винъ *Роксолана* —
То значыть *свитъ*. И вже на вѣкъ
Була едыная кохана
Вона йому — и рай, и ликъ.
Такъ рокы йшлы.... винъ самовладный
Надъ краемъ цылымъ панувавъ,
Та поглядъ, рухъ іи прынадный
Надъ нымъ могутню сылу мавъ.
Такъ рокы йшлы.... вона старила,
Вгасалы очи, и уста
Блиднили горди, и сывила
И довга коса густа.
Для нього жъ пышною красою
И доси ще вона цвила,
Въ очахъ його все молодою,
Все свитозорою була.

III.

Ій сныться сонъ. Весняный ранокъ,
Святковый чыстый дзвинъ луна,
Изъ хаты свитлои на кганокъ
Выходе вбраная вона.

Такъ гарно вкругъ: широка ричка
Помижъ зеленыхъ та рясныхъ
Садкивъ бижить, якъ ясна стричка,
Сміється зграя хвиль гучныхъ.
Хаты биліють мижъ садкамы
И церква билая стоить —
Вся баня вкрытая зиркамы,
Надъ нею хрестъ святой блыщыть.
Народъ веселою юрбою
Иде у церкву, любо тамъ:
Якоюсь втихою святою
Весь повенъ свитлый Божый храмъ.
И тамъ вона стоить вродлива
Въ дивочій купци молодій,
Ій легко такъ, вона щаслива,
Веселыхъ думъ у неи рій.
Ій легко такъ: слова святыи
Спива поважно хоръ гучный;
Видкрылысь двери золотыи,
Зъ хрестомъ выходе пипъ старый.
То батько ій*). Винъ хрестъ здіймає,
Ласкаво дывыться кругомъ
И всихъ людей благословляє
Велькымъ сяючымъ хрестомъ.

Находе хмарка. Въ сні одмина:
На землю тепла ничъ зійшла,
Знадлива писня соловъина
Повитря разомъ проняла.

*) Есть думка, що Роксолана була попивна зъ Рогатина въ Галычыни

И льється пісня, пахнуть квіты,
Шепоче ричка, осяйна
У свитли мисяшнімъ, и виты
Купає въ ній верба рясна.
Вона, дивчына молодая,
У садъ выходе тыхо свій,
Цилує ничъ ии блидаѣ,
Витрець торка волосся ій.
И жде вона: прыйде коханий —
Юнакъ vysokый и ставный,
Вона почує голосъ знаний,
Побачыть поглядъ чаривный.

IV.

Зныкає садъ и ничъ весняна,
Спивъ соловейка затыха....
Видкрыла очи Роксолана —
Стыскà ии журба глуха.
Далеки спòгады болючи
Збудылы сны въ души ии,
Чуття забути и пекучи,
Жалй глыбоки и смутнй.
И рòспачъ темный обіймає
Ии истоту, страшно ій:
Здається крыла розгортає
Надъ нею смерть у мгли ничній.
И хтось шепоче прыкро, тыхо:
Згадай усе, згадай усе,
Нехай и щастя все и лыхо
До тебе спогадъ прынесе.
Згадай, якъ впершъ въ оци палаты
Тебе, рабыню, продалы,

И щобъ прывабыть пана — въ шаты
Тебе роскишни одяглы.
Згадай його палке кохання,
Свою скорботу и печаль,
Султанши першой заслання,
Блыскучый тронъ и тяжкый жаль.
Згадай и прынца молодого,
Що матирью ту, першу, звавъ....
Його ты бачыла блидого —
Убытый, доли винъ лежавъ.
Теперь твѣй сынъ наступныкъ трону,
Никчемный, хытрый и дурный,
Жадливо дожда корона,
Всѣмъ ненавѣстный и страшный.
Згадай, згадай свои роскѣши,
Рабынь лестывыхъ и рабивъ.
Згадай, ты мала перлы, гроши,
Не мала тилькы ты друзивъ.

V.

Султанша тыхо застогнала,
До неи кынувсь Сулейманъ —
Така блида вона лежала,
Що затремтивъ старый султанъ.
Вона на його темни очи
Свои звернула — и страшнѣй
Воны булы, якъ опивночи
Прывиддя дыки, маривни.
„О, Россо, свить мѣй, Роксолана,
Утихо любая моя,
Твои страждання, о кохана,
Зъ тобою поділяю я.

Для тебе я, моя видрада,
Весь свить бажавъ бы зруйновать,
Абы знайшлася десь порада
Тебе видъ смерти рятувать!
Скажи мини, моя прекрасна,
Чого бажаешъ? — все зроблю.
О, Роксолана моя ясна,
Тебе безъ краю я люблю!“

VI.

И каже тыхо Роксолана:
„Ты знаешъ край? Далекый винъ,
Немае тамъ раба, ни пана,
Лунае срибный Божый дзвинъ.
Тамъ ясни рикы, били хаты,
Садкы зелени и квиткы,
Найкращи въ свити тамъ дивчата,
И найясниши тамъ зиркы,
Видважни люды тамъ и вильни,
Тамъ жинка — подруга свята
И зъ чоловикомъ въ неи спильни
И любя праця и мета.
Тамъ гарно такъ, тамъ легко жыты,
Туды летыть душа моя, --
На вики въ тій земли спочыты,
Умерты тамъ бажала бъ я!
То ридный край! Його забула,
Та въ сни побачыла я зновъ —
И душу гришну обгорнула
Въ часъ смертный давняя любовъ.
Ахъ, тилькы тамъ була щаслыва,
Тамъ тилькы вильно я жыла,

И, якъ дытына жартовлыва,
Не знала я гриха и зла!“

Султанъ поблидъ. „Що ты згадала,
Невдячна жинко? Дыкый край!
Хиба не тутъ ты видшукала
Блыскучу долю? — Прыгадай!“
— „Такъ, тутъ знайшла корону, владу,
Тутъ я царицею була,
Та чыстои души видраду
Лышыла тамъ, де я зросла.
И цю, чужу, кляню краину,
Свое у ій кляню жыття!
У ридну землю серцемъ лыну,
Ій виддаю уси чуття!
Забутого благаю Бога:
Просты мене, рятуй мене!
Нехай въ души мойй тривога
Замовкне тыхо и засне.
Просты и ты, моя Вкраино!
Колы бѣ у друге жыты зновъ,
То крови кожную краплыну
Тоби бѣ несла моя любовъ.
О, тыхи воды, ясни зори!...“
И змовкла. Смерть блида прыйшла,
Въ свои обіймы непрозори
И нечутно прыйняла.

Старый султанъ, похмурый, темный
Край лижка пышногo стоявъ
И распачлывый гнивъ палавъ
Въ души його, и жаль даремный,
И страхъ всю душу обгортавъ.

Вона умерла и въ хвылыну
Останнюю свого жыття
Уси думкы ии, чуття
Неслыся въ ридную краину,
Туды бажалы вороття.

Винъ дума це и гнивъ безкрайный
Палае въ серци самотнймъ....
Ии любывъ винъ серцемъ всымъ,
Та въ смертный часъ, у часъ останній
Ий бувъ далекомъ и чужымъ.

Жытця і смерць.

Не плачъ! Чи чуешъ, якъ зитхае море,
Якъ десь музы́ка тыхая брэнуть,
Чи бачышъ, якъ плывуць рожеви хмаркы,
Якъ сонце пышно сяе і горыць?

Воно зныка у море, а видъ його
Довгі проміння ясны летяць,
Въ блакыці неба граюць і сміюцца,
На тыхыхъ хвыляхъ зёркамы блыщать.

Не плачъ! Такъ гарно: море, небо, горы,
Сады зелены, пахошці квітòкъ
І ты, мая чарівна, люба мрiя —
Найкращый другъ усихъ моихъ думòкъ.

На вищо сльозы? Хай умру я хутко,
Та въ вечиръ сей, видрадный, якъ весна,
Смерць не ляка, думкы мои спокійны —
Вона для мене вже не тайна.

Повитря свитле, тыхая музы́ка,
І моря спивъ ласкавы і квіткы —
Міні відкрылы все. О, мыла, годі!
Втрымай же сльозы ты свои гиркы.

Жыття и смерть — пусти, хымерни згуки,
Все обійма гармонія одна:
Вона брэнуть таємно, але чутно,
Вона безсмертна, дывна и мицна.

Я бачу сонце, море, небо, квити,
Мелодію далеку чую я, —
Все те мини здається блызькымъ, риднымъ,
Зо всымъ еднається душа моя.

Жыття и смерть — пусти, хымерни згуки —
Въ мой души и сонце и квити,
У спивахъ моря чується мій голось,
Якъ небо, я истную вже вика!

Я не умру! Хай зминуться мій образъ,
Але новый въ простори свитовимъ
Я виднайду! Въ гармоніи безсмертній
Я залунаю спивомъ потайнымъ.

О, зрозумій! На вика мы зъ тобою
Зъєдналыся въ струни одній гучній,
Де бъ я не бувъ, — души моеи частка
Лышыться завше у души твоій“.

Такъ каже винъ и рухомъ тыхымъ, нижнымъ
Його рука торкається іи.
Вона мовчыть и зъ распачю страшнѡю
До неба зводе погляды свои.

Въ грудяхъ іи кыпыть жывая сыла,
До себе клыче дывнее жыття,
Вона його не може зрозумиты,
Не може горя втрыматы чуття.

Вона бажає жыты, працаваты,
Укупи зь нымъ боротыся, любыць,
Для неі смерць — загынъ страшный и вичный
И распаччу душа іі горыць.

Воны сядять укупи. Передь нымы
Сынїе море яснє и спива,
У спиви тымъ имъ чуються таємни
Та зрозуміли тыхыи слова:

Йому воны спивають про безсмертя
И видкрывають дывну таїну,
А ій — жыття малюють блызьке, мыле
И темну смерць — нимуму и страшну.

На роздорожжи.

(УРЫВКЫ).

I.

Шырока ривнына. На ній цвितуть барвысти, пахучи квіткы, шумляць высокі рясні дрэва. **Мира**, прекрасна, блида дивчына, зь сумнымъ поглядомъ велькыхъ променыстыхъ очей, збирае квіткы и спивае:

Писня.

Била троянда на поли цвила,
Въ промени сонця яснила,
Гарна дивчына по полю тимъ йшла
Й билу троянду зломыла.

Била троянда у билыхъ рукахъ
Тыхо и сумно вмирала,
Дивчына зь усмихомъ йшла на устахъ:
Въ часъ той про щастя гадала.

Бачылысь горди ій, сміли уста,
Очи и постать стрункая,
Доля всмихалася ій золота,
Чулася ричъ запальная.

Щастя вже блызько, та въ пышныхъ квіткахъ
Темна гадюка ховалась....
Зь крыкомъ и зь распаччу въ ясныхъ очахъ
Дивчына вразъ захыталась....

Впала вродлива и зъ рукъ молодыхъ
Била троянда зкотылась....
Смерть наблыжалась у тиняхъ смутныхъ,
Серцю жъ такъ жыты хотилось!...

Скинчывшы писню, Мира стоить килькы
хвылынъ смутна и непорушна, потимъ, пры-
тульвшысь до дерева и втопаючы замыслен-
нымъ поглядомъ у безкрайну блакыть неба,
промовляе:

Якъ сумно! Въ писни цій дивчѣна чаривнѣ
Вмира въ кохання часъ, безжурна, якъ весна!

Якъ сумно! Боже мій! Яке жыття страшне,
Якъ серце у грудяхъ вбываецься смутне!

И всихъ чекае смерть, до всихъ вона прыйдѣ,
Серпанкомъ темнымъ всихъ покрыве, обведе.

Колы бъ же хочъ такъ жыть, щобъ не дарма пройшло
Жыття, щобъ для когось корыстнее було!

О, Боже, сылу дай мини для другихъ жыть,
Нещаснымъ и слабымъ добро якесь зробыть!

Для себе тилькы жыть — не могу, Боже, я
И прагне дилъ святыхъ, борьбы душа моя;

О, то навчы жъ мене, що могу я, скажы?
Правдыый шляхъ мини, мій Боже, покажы!

Слова ии затыхають и навкругы тыхо, тыхо.
И наразъ **Геній праці и братерства** злитае
и зупыняецься просто неи. Винъ зъ вель-
кымы темнымы, але повнымы свиту крыламы,
въ билій одежи, смутный и лагідный, повы-
тый чудовымъ сяаннямъ. Мира дывуецься,
зачарована, квиткы тыхо падають зъ ии рукъ.

Геній.

Твои слова я чувъ, моя дивчыно,
И я злетивъ, щобъ повесты тебе
Важкою стежкою добра, любви, правды,
Що до винця небесного веде.

За мною йды — и до людей нещасныхъ
Въ хаткы смутни мы прыйдемо тоди,
Побачышь тамъ незмирнее ты горе
И голову похылышь у журби.

Але не плачь: не сльозы имъ потрібни,
Твоя любовь потрібна буде имъ.
И станешъ ты имъ другомъ и сестрою,
Утихою нужденнымъ та слабымъ.

Недолю ихъ изъ нмы ты подилышь,
И ихню працю въ руки визьмешъ ты,
И сльозы ихни будешъ утераты,
И до любви будешъ ихъ весты.

Ты скажешъ имъ про радисть и надію,
И проминь сонця впершъ покажышь имъ,
Въ серцячъ зболилыхъ виру ты розбудышь—
И стане вира скърбомъ имъ яснымъ.

Чи жъ пидешъ ты на шляхъ мій, о, дивчыно?
Той шляхъ важкый, нема на нимъ утихъ,
Не засія тоби на йому щастя,
Не визнаешъ ты обіймивъ дорогыхъ.

Твое жыття твоимъ уже не буде:
Його виддаты другимъ повинна ты.
Скажы жъ: себе чи можешъ ты забуты,
Шляхомъ моимъ чи можешъ ты иты?

Вона хоче одмовляты, але въ той часъ
чутно здалеку, а потимъ близьче смутный,
повный безмирного страждання спивъ — то
писня нещасныхъ страдныкивъ земли

Писня.

.....

Писня замира смутнымъ стогономъ, ты-
хымъ плачемъ.

Мира (зъ страхомъ и распаччу).

Ця писня! Боже! Хто іи спивае?
Скажы мини, мій геній чаривный,
Скажы мини, хто люды ти нещасни
И хто поклавъ на ихъ тягәръ страшный?

Геній.

То ти, до котрыхъ зву тебе зъ собою,
До котрыхъ йты повинна заразы ты,
Щобъ прынести любовь имъ и порадую,
Щобъ имъ надію свитлу прынести.
Ходимъ!

Мира.

О, такъ! Я йду, иду зъ тобою!
Веды мене, навчы любыты ихъ,
Навчы мене виддаты сердце й душу
За ихъ нещасныхъ, змученыхъ, слабыхъ!

Воны берутся за руки и хочуть иты. Въ
той ментъ злитае **Геній кохання** зъ бильмы
крыламы, у дорогимъ срибнимъ убранни, зъ
винцемъ блискучихъ самоцвитивъ кругъ пре-
красного, щаслывого облыччя. Винъ сяе дыв-
нымъ свитломъ и чаривнымъ усмихомъ и,
заступаючы дорõгу Мири и іи проводырю,
смылыво каже:

Ни, стій! Не йды, важка його дорога
И не вона призначена тобі,
Не можешъ ты жыття свое згубыты,
Зивьянуты въ самотыні й журби!

Тамъ тилькы горе, сльозы и турботы,
Воны знесылять душу молоду.
За мною йды: найкращу дамъ я долю,
Тебе въ краину щастя поведу.

Я дамъ тобі палкы обіймы любви
И чарамы кохання обведу,
Я матирью тобі дамъ щастя буты,
Тобі дытя на руки покладу.

За мною йды! Прекрасна ты, якъ свитло!
Згубытыся не може ця краса.
Иды жъ въ краину щастя и кохання,
Де вично сяють свитли небеса.

Иды! Побачышъ очи тамъ блискучи,
Побачышъ рысы любви, дорогй,
Ты на земли впизнаешъ щастя раю
И будешъ жыты рокы такъ довгй.

Иды! Покынь свою никчемну мрію
Про помичъ тимъ, знесыленимъ въ борби —
Сама блида, безсыла ты и кволла,
Сама впадешъ, зивьянешъ у журби.

Иды! Твій мылый вже тебе чекае
И пидешъ зъ нымъ шляхѡмъ веселымъ ты,
Для тебе будуть пташки щебетаты
И пышни квиты въ пахощахъ цвисты.

(Простягае руку до Миры, съ захватомъ:)

За мною йды! Визьмы мене за руку,
Я на бенкетъ жыття тебе веду!
Иды! тамъ сонце, радисть и утихы,
Впознаешъ тамъ весну ты молоду.

Пидъ часъ сіи промовы Мира помалу
вызволяє свою руку зъ руки Генія праці и
братерства, зъ сяючымъ лицемъ наблы-
жається до Генія кохання, але вразъ вид-
ступає и стоить непорушно, затульвшы выдъ
рукамы. Геній праці и братерства сумно
дывывается на неи.

Мира (спершу немовъ вагаючысь, потимъ смилыво
и твердо:)

Ни, ни, не клычъ мене, о, духъ чаривный!
Не можу я у рай веселый йты:
Хто писню чувъ тыхъ страдныкывъ нещасныхъ,
Тому для себе щастя не знайты.

Не можу йты! Хай мылый не чекає,
Скажы йому, щобъ винъ мене забудъ,
Скажы йому, що я ни въ чимъ не вынна,
Винъ знавъ бы це, колы бъ ту писню чувъ.

Скажы йому, що я його любила,
Але теперь не сыла вже моя,
Любовъ не та всю душу обхопыла,
За нею йты повинна, мушу я!

(До Генія праці и братерства, подаючы
йому руку:)

Веды мене въ смутни хатыны, бидни,
Веды мене на працю, боротьбу.
О! Знаю я, що мушу пережыты,
Перемогты и горе и журбу!

(До Генія кохання).

Прощай же, духъ чаривный и прекрасный,
Ховать про тебе згадку буду я
И въ довгу ничъ, безсонную и темну
Благословить тебе душа моя,

Тебе и радости уси хвылыны,
И мылого кохання дороге,
Все, що ты давъ мини, усе те щастя,
Велькее, хочъ дуже не довге.

Прощай, мій духъ!

Геній кохання.

Прощай, иды, дивчыно,
Своимъ шляхѸмъ, на викъ зныкаю я.
Прощай!

Геній праці и братерства.

Иды! Тебе вона зриклася!
Теперьъ вона на вика вже моя!

II.

Въ маленькій убогій хатыни, на лави спыть Мира. Ии облыччя
блиде, якъ мarmorь, глыбоки, запали, заплющени очи, вкрыти
тинью, уста стыснути мицно зъ выразомъ муки, дви довги
косы спадають до долу. Кризь маленьке виконце мыгтыть
ранишне свитло, важка тыша пануе навкругы. Наразь чутно,
спершу здалеку, потимъ близьче и выразише вельчну писню.

Писня.

СмутнѸ, тяжке жыття людськее,
Та, свитлый духъ, летаю я
Надъ нымъ высоко, у блакытти
Оселя дывная моя.

LIBRARY U. OF I. URBAN-SCHUBERTSON
— 51 —

Тамъ били горы пиднялыся
И выдко зъ ихъ весь свить мини,
Тамъ небо блызько, хмаръ немає,
Проминня грають чаривнй.

Я тамъ живу, я тамъ паную!
И спивы янголивъ летяты
Въ мои крышталеви осели,
Въ повитри льються и брентя.

Я Геній славы, на верхивья
Беру обранцивъ я своихъ,
Винкы даю имъ, видкрываю
Свитивъ багато маривныхъ.

Жыття буденне и смутнее
Десь на нызу, а мы надъ нымъ
Стоимъ вгори, безсмертни вично
У сяйви сонця огнеvimъ!

Нызеньки двери хатыны одчыняются по-
малу, золоти проминня проходятъ у двери и
сповняють свитомъ и щастямъ убогу хатыну;
писня звучыть владно и зовсимъ блызько.

Ой, ты, дивчѣно, переможный
Мій спивъ почуй и въ свитлый край
Полыньмо разомъ: видчынылась
Блыскуча брама, жде мій рай!

Геній славы у золотимъ винку, облытый
ослипляючымы сянннмъ, зъявляється у две-
ряхъ и пидѣйма до Миры свою билу руку:

Тебе обравъ я, темну землю
Покынешъ ты, туды пидѣшь
Мижъ билыхъ гиръ, въ палаць коштовный, —
Тамъ славу и винець знайдешъ!

Мира, що чула писню у ви снї, прокыдається зъ ясноу усмишкоу. Вона пидводиться помалу зъ лижка, ии очи, звернени до Генія славы, сяють, а тонки, блиди руки простягаються до його. Въ той менть вона прекрасна, якъ богыня, а ии вбога одежа, осяяна проминнямъ, здається золотоу.

Мира.

Туды, туды, до билыхъ гирь високихъ,
Въ осели дывни, котри у ви снї
Мини ввыжалысь, льньмо! Бачыть небо
И чуты хочу янголивъ писнї!

За викномъ розтынаються голоса дитей;
Мира слухае ихъ, зупынувшысь коло порога.

Диты.

Мира, Мира! За тобою
Мы прыйшлы, иды до насъ!
Сонце сходыть и юрбою
Вже иты до школы часъ.

Ты, нашъ друже, провидныця,
Збудувала школу намъ,
Ты, якъ зъ неба блыскавыця,
Свить дала нашимъ очамъ!

Диты стукають у виконце. Мира видпо-
видае имъ, дывлячысь у пресвитли очи
Генія славы.

Мира.

Ни, диты, ни, я йду одъ васъ, прощайте!
Я бачу свить, не можу зъ нымъ не йты,
Верхивья били и блакыть небесну
Я хочу, диты, мушу я знайти!

Почую тамъ я спивы янголыни,
Сама писєнь тыхъ райськихъ я навчусь,
Тоди до васъ мицна й не переможна
Я зновъ прыйду, зъ далекихъ гирь спущусь.

Я росповимъ вамъ про жыття верхивья,
Проминнямъ славы васъ зигрю я,
До билыхъ гирь и до глыбынь небесныхъ
Тоди наблызыть писня васъ моя.

Прощайте, диты, васъ я не забуду,
Въ оселяхъ свитлыхъ згадувать васъ буду!

Диты (зъ голоснымъ плачемъ).

О, Мира любая, не йды,
Не покыдай дитокъ малыхъ,
Такихъ незнаючихъ, слабыхъ,
О, Мира, въ школу насъ веды.
Тебе благаемо уси:
Свои намъ знання ты несы.
Не покыдай насъ, Миро, ни
У нашій безпросвитній тми!

Мира вагається, але Геній славы стыскає
їи руку и вона, не маючы сылы одвесты одъ
його зачарованого погляду, ступає помалу
на поригъ. Въ цю хвылыну чутно якийсь
гоминъ, други хатни двери раптово одчы-
няються, стара жинка прыводе свого пораненого
сына-юнака, зъ головы котрого, по
блидому прекрасному облыччу збигає кровь.

Жинка.

Мира! Пораднице, глянь, подывыся:
Сына свого я веду,
Боже! Пораненый винъ и безсылый,
Капає кровь на выду!

Спускає юнака на лаву и падає биля його
навколишки.

.....

Мира, слухаючы іі, тремтыць и велькі
очи іі, повні невымовной любові, зверта-
юцца по малу до матери и іі сына. Блы-
скуче проміння гасне и свитла постать
Генія славы стае блидою и невыразною;
винь тыхо пускае руку Меры, вона ледве
чутно промовляе:

Мира.

Я хтила йты, я хтила вась лышыты
На вискъ самыхъ у холоди и мли,
Я хтила йты въ блыскучую оселю,
Далекую одъ темной земли,
Одъ вась далеку, билу, осяйную,
Прынёсты писню хтила вамъ якусь....
О, божевильна! Гетьте вси прымары!
Я ваша, ваша, зъ вамы я лышусь.

Жинка здывована, Геній славы зныкае
зовсімь, тилькі блиде свитло ще тремтыць
кругъ тонкой Мерыной постаты.

Жинка.

Ты хтила йты? Ни, не кажы такъ, Мירו,
Хиба даремне зъ намы ты жыла?
Хиба не знаэшъ, якъ ты намъ потрібна
И скількы намъ утрыхы ты дала?
Ты нашъ едныый свитлыый, любыый промины!
Безъ тебе ничъ кругъ насъ була нима,
Важка темнота всихъ насъ огортала,
Давыла насъ холодная зима.

Та мы до того звыклы и покирно
Неслы тягàрь, до свитла не тяглысь,
Теперь же ты намъ проминемъ зъявылась—
И полумъямъ серця наши взялысь.

Не вирю я, щобъ кнуты здолила
Ты насъ теперь. Не вирю, чуешъ, я!

Мира.

О, такъ, не вирь, на все жыття я ваша,
Для васъ на вики вся любовь моя!

Д в и.

Воны зустрілися дви и пыльно дывылыся въ очи одна до одної.

Волосся ихъ сыве було вже и зморшки глыбоки на зблidlыхъ облыччяхъ булы, та ясныи очи одної вогнемъ, кыпучою думкою сялы, въ другои вже згаслы давно---и темно и сумно було въ тыхъ очахъ неблыскучихъ.

„Що дало намъ жыття?“ — спыталы вони одна одну.

И та, що очи погаслы и темныи мала, сказала: „Коханнямъ воно напоило мене, въ обіймахъ, въ роскдшахъ пройшлы молодыи лита, та холодно, пусто теперь въ моихъ грудяхъ. Погаслы вже очи, краса чаривныча згубылась и свить мій вже згась и темнымъ серпанкомъ укrywся. Для чого жыла я, для чого у серци кохання носыла?“

И голову тыхо вона похылыла свою и слъозына перлыста на віяхъ тремтячая звысла.

И друга взяла іи руку холодну и мовыла тыхо: „Хвылыною тилькы кохання у грудяхъ моихъ пронеслося; не знала я любихъ обіймивъ, не знала мицныхъ поцилункивъ гарячихъ, не знала багат-

ства, роскошівъ; у праці тяжкій, у турботахъ непыннихъ, въ довгій боротьби, середъ горя мынули лита молодьи.... Та бачу я дило свое за собою, та бачу я очи, багато очей дорогыхъ тыхъ, що дякою, ласкою сяють до мене — и тепло и тихо теперь у грудяхъ моихъ наболилыхъ. Ходимъ же зо мною й ты, сестро, и працю подилымъ мою, бо ии ще багато, багато лышылось!"

И очи блыснулы у неи, й рукою мицндою та бидна сестра прытулыла до себе багату — и въ ментъ — той огонь, що горивъ въ однимъ серци жиначимъ, гарячимъ, засявъ и у другимъ и зигривъ його полумъямъ чыстымъ, прязнымъ....

Що бувъ сонъ.

першу бачывся тилькы бильй, непрозорый, великый туманъ, потимъ десь далеко за його смутною зависою блыснувъ блидый, ледве примитный проминь. Тоди туманъ захытався, почавъ яснишаты, зныкаты и разомъ циле море золотого проминня, цильй океанъ свиту и сяяння залывъ увесь шырокый, безкрайнй простиръ. Навкругы не було ничого, тилькы свить и свить, що саявъ у кожному атоми золотого повитря.

Середъ того дывного сяяння невидомою мини сылою я тыхо пидймалася вгору, заплющуючы очи, що болилы видъ незвычайного свиту. Куды жъ се я здймаюсь? Де була моя темна, ридна земля? Я не знала того, але у грудяхъ моихъ не було страху, не було турботы, я навить ничого не думала, не хотила думаты.

И потимъ я почула, що свить зменшується и я можу дывыться; тоди мои очи видкрылыся и я глянула зъ цикавостю навкругы. Я стояла у свитлимъ, але вже не золотимъ, не яскравимъ повитри, и бачыла внызу пидъ собою шыроку, зелену ривныну.

Усе було чудово и дивно на тій ривныни. У всихъ куткахъ порозкыдались зелени, рясни, повни пахощивъ сады; надзвычайно прекрасни будынки сяялы мижъ ныхъ чаривною красою; дивно небесни спивы й музыка бренилы навкругы, хочъ и не знаты було — звидкы воны розлягались. На шырокихъ верандахъ, на живыхъ кылымахъ пышнои травы и барвыстыхъ квитокъ запашныхъ, у чыстыхъ хвыляхъ яснѣго повитря сидили, лежалы и тыхо, нечутно литалы легки людськи постати. Чи то byly люде?

Не знаю. Воны уси byly надзвычайно прекрасни, зъ велькымы чудовымы очима, въ котрыхъ бувъ выразъ неземного, непорушного, вичного щастя та спокою. На билимъ легкимъ убранни ихъ яснивъ тыхо видбытокъ небесного чаривного сяяння, у довгому пышному волосси жинокъ грало золоте проминня. Воны вси знали одынъ одного, усмихались прязно, зъ любовію дывылись у знайоми облыччя, виталыся мижъ собою легкымы, любимы поцилункамы. Я хутко видгадала, що чудови спивы та музыкы — то byly ихни розмовы, що злиталы зъ рожевыхъ молодыхъ устъ и поволи розльвалыся навкругы у блакытныхъ хвыляхъ повитря.

Не знаю, чи хтось сказавъ мини, чи сама я впизнала, що то бувъ край вичного щастя, що ти люды николы ни старилыся, николы не вмиралы, що вси воны однаково мицно кохалы одынъ одного,

а у ихъ безтілесныхъ постатяхъ панувала повна згода єднання усього прекрасного и радисного.

И мині захотілось у той край, до тыхъ щасливихъ, прекрасныхъ дүхивъ.

И хтось сказавъ мині: „Иды до ихъ, ты тежъ можешъ жыты зъ ными вично!“ Вично! Зъ тымъ словомъ я пизнала, що таке щастя!

И тыхо, помалу почала я спускатыся до дывной зеленой ривныны. Мои ноги торкалыся вже пышной травы; чаривни прекрасни истоты вже простягали до мене зъ нижнымъ привитаннямъ свои били руки и въ серци моимъ вже починавъ брениы видгукъ небесной музыки и спививъ....

Колы якась невидома тинь стала видразу передъ моими очима.

Я зупынылася, хотила вдывытыся въ неи пыльно, пизнаты іи — й не змогла: вона зныкла кудысь, ледве я прымытыла іи, але въ той же ментъ я згадала далеку, темну, нужденну землю, повыту горемъ та сльозамаы.

Я згадала мій ридный, сумный край, згадала блидыхъ, змученыхъ, нещасныхъ людей, котрыхъ бачыла я такъ багато, — и серце мое стыснулося гнитушымъ болемъ. Темна, далека земля, сумный край, бидолашни, нужденни люде! Якою любовію до ныхъ сповнылось въ ту хвылыну мое серце, якъ забажала я буты тамъ, середъ ныхъ!...

Край вичного, дывного щастя, край безсмертныхъ, прекрасныхъ истотъ! Ты ставъ видразу

чужымъ мини и мое бажання покынуты тебе пид-
няло мене високо угору и зновъ я полынула до
риднои, любои земли, хочъ и знала, що тамъ я
буду завжды згадувати тебе и сумувати за тобою.

Я летила теперъ хутко, хутко. Навкругы бувъ
якийсь хаосъ: тамъ, попереду—повна стражданья
и горя земля, далеко, по-за мною — чудовый край
вичного, дывного жыття. Мое сердце болило и я
неслася хутко-хутко, якъ блискавка, до моеи рид-
нои земли....

Г и п а т і я. *)

Вона стояла въ зали мурмуровій
Вся въ билому, прекрасна та блида
И слово правды, розуму яснѣго
Юрби нимій довѣдыла вона.

И слухалы вони уси уважно
И слова натхнени та палкї;
Въ той часъ, здавалось: въ неи за плечима
Зростають крыла, били та легкї.

Вона про дѣсвидъ чыстыи имъ казала,
Про сылы ти, що правлять свитомъ всимъ,
Казала: люды знання и свободы
Досягнуть тилькы розумомъ своимъ.

У глыбъ земли и въ глыбъ небесъ вельчныхъ
Сягне той розумъ смилывый людскый,
Дознається винъ першой прычины
Усихъ земныхъ и свитовыхъ подій.

*) Нуратіа—дочка математика Теона, учителька математики и философіи въ Александріи, въ кінци IV и зъ початку V вику після Р. Х. Славилась своєю красою, розумомъ и красномовствомъ. Напрямокъ ии философіи бувъ раціоналістичный. Мала багато слухачивъ и прихильныкивъ, але пидъ часъ розрухивъ въ Александріи въ 415 роци фанатычна юрба убыва ии. Про неи дывысь у Дрепера: „Исторія боротьбы мижъ рел. и наукою“. Пер. М. Павлик. Л. 1898 року.

Пизнає все—и безъ надій, безъ виры,
Та зъ певнымъ знаннямъ вильный и мицный,
Винъ переробить все тоди, якъ схоче,
И свить йому видкрьється новый.

Та тилькы праці треба ще багато....
И клькала вона до неї всихъ,
Хто чує въ грудяхъ сылу и бажанья,
Хто зрикся вже перёдсудивъ старыхъ.

Вона замовкла, гордо и спокійно
Стулылысь пышни молоди уста,
Та довго ще, зворушена глыбоко,
Мовчала вкругъ уважная юрба.

Колы жъ вона покынула ту залу,
За нею вслидъ и вси воны пишлы
И лавръ новый въ винокъ иі славетный
Воны рукою вдячною вплелы.

На другый день у свитли сонця яснимъ
Александрія пышно вся цвила,
Та ранкомъ тымъ пахучымъ и чудовымъ
Прокынулась Гипатія смутна.

Въ задуми биле, дороге убранныя
Вона одила и въ свои густы
Та темни косы квиты повплитала,
Щобъ зновъ до праці любои иты.

И йшла вона по улыци знайомій,
Стаившы тугу въ грудяхъ молодыхъ,
Та сумно ій усе навкругъ здавалось,
Весь свить здавався у кольорахъ смутныхъ.

И гризный гоминъ сразу ій почувся,
Иі схопыла дужая рука —

И такъ, якъ скошенная квитка пада,
Гипатія упала молода.

И зъ реготомъ, зъ жорстокистю лыхою
И тягла озвирена юрба:

„Не вирыла ты въ выщии истоты, --
Вмирай за се, поганка чаривна!

Казала ты, що не истота выща
Одъ споконвику свитомъ правыть всымъ,
А що прыроды вичной законы
Керують смертю и жыттямъ земнымъ.

Святои виры въ серци ты не мала,
На розумъ тилькы покладалась свій,
Вмирай теперь! Нехай тебе одъ смерти
Рятуе той хвалений розумъ твій!“

Кепкуючы, жорстоки, темни люде
Гипатію до храму прытяглы
И кынулы скривавлену, не чулу
На мармуровимъ билимъ вивтари.

И хтось ище ципкомъ ии ударывъ....
Останній стогинъ вырвався зъ грудей,
И мертва вже вона теперь лежала
Середъ отыхъ озвиреныхъ людей.

Хочъ мертва, та прекрасна, якъ и завжды,
Покинута на билимъ вивтари,
Въ шматованій, скривавленій одежи
Вона лежала, наче у ви сни.

Розкыдалось поплутане волосся,
Квитки помняти ще въ йому цвилы,
А вкругъ облыччя мертваго проминня
Винцемъ злотыстымъ нижно такъ ляглы.

А ти, що такъ іи убылы люто,
Теперьъ стоялы смѣтні и блидї.
И мывоволи зъ ѡстрахомъ и дывомъ
Дывылысь въ очи мертвыи іи.

И чулось имъ, що жертва та даремна,
Що вбыто тилькы тило молоде,
А духъ жывый до вику буде жыты
И слово правды людямъ доведе.

Т. Шевченко.

(Въ XL роковыны його смерти).

Бувъ часъ лыхый, въ неволи непросвитній
Нашъ бидный край безъ слова замиравъ,
Народъ губывъ свою свідомість, гордисть,
У тьми, въ ярми, нимуючы, мовчавъ.

Було скризь темно, кращи диты краю
Не знали, де шукаты свиту имъ,
И падалы безсыло кволи руки,
Згасавъ огонь у погляди смутнимъ.

Въ той часъ лыхый у хати вбогій, темній
Свить засіявъ и тыхий и благый,
Зъявивсь „апостоль правды и науки“
И выйшовъ винъ на шляхъ тяжкый, довгый.

Прошовъ винъ мало: смерть неублаганна
Його взяла въ обіймы потайни,
Але лышывъ винъ дывную надію,
Слова лышывъ велычни и мицни.

Вогнемъ палючимъ ти слова пронькы
Въ сердца людськи прыгноблени, страднї,
Збудылы въ ихъ видважны бажання
И славы нагадалы зныкли дни.

И свитять намъ писни поэта дывни,
И клычуть насъ до любои меты,
И помы будуть ти писнй брениты,
Мы не впадемъ, мы будемо все иты.

Нехай теперь тоби роскажуть хвыли,
Що не забулы мы твои писни,
Що мы йдемò дорогою твоєю
И заповиты любымо твои,

Що ты для насъ прекрасне ясне сонце,
Видъ котрого мы маемо жыття,
Тепло и свить, а въ дни тяжки за надто—
У кращу долю виры почуття.

* * *

Роспустились пышни гранаты,
Кипарысы до неба знялись,
И мыгдали въ пахучіи квити,
Наче въ сукни рожеви вдяглись.

И блиды химерни олывы
Вкрылы цвитомъ хибкыи гилкы,
И короны свои мальовнычи
Пиднялы гордо пальмы струнки.

А затѡка морська блакытна
Задримала у сни маривнымъ,
Навить витерьъ ии не розбурка
Тыхымъ спивомъ своимъ чаривнымъ.

И всмихається сонце блискуче
У безхмарній небесъ глыбыни,
Шле проминня на тыху затоку
Золотыть деревà въ гущыни,

Молодая дивчына хороша
Край затоки блидаѧ стоить,
Очи смутно блукають по морю,
А на віяхъ слѡзына тремтыть.

Нахылылысь надъ нею гранаты:
„Ой, чого ты, дивчыно, смутна?
Червоніють, якъ жарь, наши квити,
Дыха щастямъ пивденна весна.

Озырныся кругъ себе уважно,
Не дывыся въ морську далыну,
Ты потишся красою прыроды,
Залышы свою думку смутну!..."

Та не чуе дивчѣна ничего,
И весна не розважить иі:
Нагадалась ій ридна краина,
Прыгадалыся иншыи дни,

Де немає ни пальмъ, ни гранативъ,
Не здѣймаються горы важки, —
Тамъ схылылысь надъ ричкою вербы,
Пиднялыся тополи гнучки.

Тамъ пройшлы иі лита найкращи,
И туды иі думка летыть....
Що ій пивдень щаслывый, чарѣвный,
Колы сердце у грудяхъ болыть?

О Г Л А В Ъ.

	<i>Стр.</i>
Весна	3
Я темрявы боюсь	4
Не завжды хмары крыють небо	5
Згадала чомусь я	6
До бою! чую я	7
По надъ моремъ	9
Тинь	11
Скеля	13
Скотылася зирка	14
Мрія	15
Ничь	16
Выйшла я рано	17
Прощай	18
Сердыто запинылось море	19
Пытанья	21
Поснуле мисто	24
Смієшся ты	25
Писня козачкы	26
Сонетъ	27
Колы душа твоя горыть	28
Десь верба смутна похыла	29
Вчора я сердце свое поховаты хотила	31
У сердца моему зрощається писня новая	32
Роксолана (поэма)	33
Жыття и смерть	42
На роздорожжи (урывкы)	45
Дви (поэзія въ прози)	57
То бувъ сонъ	59
Гипатія	63
Т. Шевченко (въ ХL роковыны)	67
Роспустылись пышни гранаты	69

Складъ видання въ книгарни жур. „Кіевская
Старина“ — Кієвъ, Безаковская, № 14.

Тамъ же можна добути:

1. Оповідання про Антона Головатого. М. Кома-
ря. СПБ. Ц. 10 к.
2. Оповідання про Богдана Хмельницького. М. Ко-
маря. СПБ. Ц. 15 к.
3. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. М. Кома-
рова. Одесса. Ц. 75 к.
4. Твори О. Кониського (Оповідання). Одесса. Т. 1
и 2 по 50 к., т. 3-й 1 р. и т. 4-й 80 коп.
5. Драми и комедіи И. Тобилевича (Карпенка-Карого).
Одесса. Т. 1 и 2 по 1 р. 50 к., т. 3 и 4-й по 1 р. 25 к.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 070475030